

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ И РУСИ В XV – XVI ВВ.

Приводится сравнительная характеристика традиций в социальной сфере Речи Посполитой и Руси периода раннего нового времени. Приводится характеристика развития дворянства, сферы образования, правовой сферы.

Ключевые слова: социальные традиции, Московская Русь, Речь Посполитая, дворянство, университеты, право.

В XVI веке Европу все еще волновали проблемы, которые возникли в связи с падением Константинополя и спорами вокруг церковной власти на Западе. Взаимоотношение религии, философии, политики и соперничество таких центров человеческого социума, как город и государство, Церковь и власть, стимулировали возникновение в разных регионах Европы особых культурно-цивилизационных организмов. В шестнадцатом столетии решающее значение приобрели общественные институты. Их присутствие или отсутствие, степень развития или сила идеи, позволяющей ей осуществляться, определяли судьбы данного общества в следующих столетиях.

Институтом, который приобрел в Польше довольно значительный характер, была дворянская аристократия, основанная на конституции *Nihil novi*, принятой Сеймом в 1505 г. в Родоме [1]. Она воспрещала принимать какие-либо решения в государстве без участия дворянства. Дворянская демократия определяла пути внутреннего развития (налоги, армия, хозяйство, элекция королей) и внешней политики (войны, утопии, трактаты). Дворянство насчитывало тогда 8% населения государства [2].

Другим определяющим институтом был Краковский университет и свыше пятидесяти других учебных заведений, которые способствовали умозрительному подходу к осмыслению действительности, в том числе к мировоззрению, этике, политике, церкви и вере.

Сравнительно менее значительную роль играли тогда институты власти и

церкви. Польша с Литвой последних Ягеллонов – это большое, многолюдное, довольно богатое государство с известными достижениями в области науки. Реституция Краковской академии в 1399 году, благодаря постановлению королевы Ядвиги, сделала возможным образование молодежи на европейском уровне.

Университетская профессорская международная среда, а также образованные церковные иерархи и высокие государственные деятели, такие как, Ян Длугош, Ян Остпруг, формировали общественное мнение шляхты Речи Посполитой. Широко распространенные с 1473 года печатные издания способствовали обмену мнениями и повышению образовательного уровня всего населения [3].

В. Татаркевич подчеркивает, что философией в Польше занимались тогда две общественности: университетская и круги, приближенные к магнатским дворам [4]. Университет продолжал еще заниматься метафизикой, остальные концентрировались уже на современных проблемах общества и политики. Рождалось убеждение, что наука должна решать проблемы текущей жизни. Поэтому со временем большая часть научных трактатов посвящалась темам моральной философии, истории и права. Ученики схоластов, утомленные запутанными исследованиями в области онтологии, старались затушевать разницу между доктринами, ассимилировали античную мысль в упрощенном виде [5].

В программе обучения краковской *alma mater* появились гуманитарные предметы. Профессора начинали выдвигать лозунг

обучения молодежи в интересах Речи Посполитой. Критерий утилитаризма стал обычным при формировании программы обучения [6].

Возникла и развивалась общественная этика. Со времен Св. Константина политика считалась подчиненной христианской этике. На практике с нарушающими принципы христианской морали правителями боролись церковные иерархи. В Западной Европе, с момента основания выборы короля производились не сенатом, а всем шляхетским сословием представленном на сейме.

Распространение в университетах знаний в области римской политической и юридической мысли имело огромное влияние на развитие дворянской идеи с ее демократизмом, чувством ответственности за государство и стремлением участвовать в его управлении. Дворянство видело пользу в идее римских гражданских привилегий и права неприкосновенности собственности. Оно, однако, опасалось политических последствий введения римского права. Раньше дворянству угрожала зависимость от германского кесаря, наследника имперской власти, потом реальной угрозой стала крепкая правовая позиция власти короля. В абсолютизме дворянство усматривало угрозу для собственных сословных привилегий. Также хозяйство в Польше не было настолько связано с капиталом, как например, во Франции, чтобы оно стимулировало введение римского права [11]. В тогдашней Речи Посполитой каждое сословие пользовалось своим правом. Равновесие между правами отдельных сословий сохранялось за счет столкновений их партикулярных интересов.

Развитие дворянской демократии при недостаточно сильной позиции Церкви способствовало распространению протестантских настроений, выразившихся в критическом отношении к церковной католической традиции и желании разъяснить сомнения при помощи единственного верного критерия – Библии. Кальвинизм укрепился среди части образованных и прагматично настроенных магнатов, а также учившейся в заграничных протестантских университетах дворянской молодежи [12]. У менее образованных кругов дворянства протестантизм вызывал чувство возможности сопричастия к метафизическим

ценностям христианства, тогда как в католицизме на первый план выдвигалась в то время мораль, основанная на понятии добрых деяний. Эта ситуация сплотила также то большинство, что не изменило католицизму, не выдвигало требований радикальных перемен в католическом праве.

Большая часть дворянства, ссылаясь на принципы свободы совести, требовала отмены церковных судов, компетенции которых шляхта считала прежде всего противоречащим правилам собственной независимости. Наконец в 1552 году Сейм приостановил исполнение приговоров церковных судов над дворянством.

Выдающимися ораторами среди парламентариев были тогда протестанты Рафаль Лещинский, Иероним Оссолинский, Николай Сенницкий. Они выдвигали проекты постановлений, защищающих свободу совести [13].

Немалую роль в создании внутренних критериев для переоценки средневековой системы мышления и церковной традиции, сыграли ученые евреи – преподаватели университетов, а также занимающие высокое положение при магнатских и королевском дворах [14].

XV – XVI века на Руси были, в свою очередь, периодом, когда стало очевидным, что Московское государство находится под влиянием нескольких культурно-цивилизационных центров. На относительно высоком уровне стояло русское гражданское право, однако его публичное право, основанное на византийской теократической традиции, не соответствовало историческим реалиям. Тем более, что соседние государства развивались в соответствии с установленной в них политической культурой.

Польский историк Феликс Конечны высказал мнение, что в Московской Руси вообще не было публичного права. Он имел в виду положительные юридические нормы, которые регулировали вопросы власти и общественных отношений в государстве. Отсутствие этих норм Конечны считал серьезным недостатком культуры, который принудил Москву принять хоть какое-нибудь, даже варварское публичное право [15].

Московская Русь XVI века входила в эпоху абсолютизма, не имея сформированных

сословий. Преемственность власти не была юридически установленной. Продолжал действовать закон Ярослава Мудрого, хотя его не соблюдали со времен Ивана II Красного. Московский обычай преемственности престола до Ивана IV Грозного никогда не имел юридической санкции. Он удерживался благодаря одобрению завещания Дмитрия Ивановича Донского Св. Сергием Радонежским, покровителем московских князей и венчанию Ивана III Великого с Софьей Палеолог, племяннице последнего византийского императора Константина XI Палеолога. Их сын Василий III всячески старался придать религиозный облик государственным делам [16].

Продолжающаяся раздробленность Руси и ее зависимость от татар не благоприятствовали созданию сословной солидарности даже среди князей. Индивидуальное правление на небольшой территории каждого из них тормозило развитие публичного права. Исключением был Новгород, где образовалось сильное боярское сословие и оно как раз огородило себя публичным правом от роста значения княжеской власти.

В истории становления Московского государства новгородская юридическая традиция сыграла исключительно важную роль. Новгородская судная грамота (1456) и Псковская судная грамота (1467), согласно мнению историков права, легли в основу московского судебника 1497 года [17]. Для него характерна довольно развитая форма судебного, процессуального и гражданского права. В упомянутых кодексах заметно отделение права собственности от права власти. Кодексы приводили в порядок также юридический статус общественных групп, которые в разной степени зависели друг от друга. Возникший на их основе Кодекс Ивана III ограничивал свободу княжеских судов в пользу наместнических, а также ограничивал публичное право, отменяя апелляционные компетенции вече в пользу великого князя.

Христианская аксиологическая основа более ранних русских кодексов являлась примером открытой юридической структуры. Их не отягощала излишняя казуистика. Они не отражали политической позиции общественных групп. Характерной чертой перемен было то, что право времен Ивана IV

становилось орудием политики и служило созданию сложной административной структуры государства. Доказательством этого является кодекс 1550 года, подчиненный правилам внутренней политики. Он состоит прежде всего из экстренных элементов, взаимозаменяемых согласно переменам экономической и политической ситуации.

Со времен падения Константинополя Москва унаследовала доктрину христианского государства. Хотя этому факту не сопутствовали научно-юридические трактаты, его глубокое понимание было широко распространено среди московской элиты. Цели и смысл существования Московского государства очевидны, они определяются церковными догматами, установленными Вселенскими Соборами. Ненужными тогда казались дополнительные умозаключения, опровергающие существование Москвы как государства. Первыми теоретическими трактатами, имеющими однако, как замечает протоиерей Флоровский, эсхатологический характер, были письма Филофея [18].

Из этого следует, что с точки зрения преемственности идеи христианского государства, русская православная Церковь сыграла решающую роль. Большие заслуги в этом были у новгородского архиепископа Геннадия и игумена Волоколамского монастыря Иосифа. Они восстановили единый культурный образец, унаследованный от Византии, поддержали идеал созидательной роли церкви в мире, что способствовало сохранению христианской доктрины власти и государства. Необходимо подчеркнуть также возрастающее значение для формирования на Руси мировоззренческих взглядов исихастского течения.

Внешние симптомы культуры в Средневековье отражали богословские взгляды. Но в XVI веке традиционное мировоззрение столкнулось на Руси с абсолютистским. Богословский спор, касающийся путей монашеского подвижничества, приобрел значение экономического и юридического вопросов. Симптоматична здесь платформа дискуссии, принятая еще при Иване III, дискуссии, которую Иван IV обострил обвинениями, направленными в адрес монастырей при Стоглавом Соборе. Предусмотрев этот ход, архиепископ Геннадий

подготовил богословско-юридические аргументы в защиту монастырей, подчеркнутые им также из латинских переводов доминиканца Вениамина. Обвинения не достигли предвиденной царем цели, т.е. сведения монастырского типикона к уровню положительного права. Собором была сформулирована мысль, что идеал монашеской жизни несоизмерим с простым соблюдением правил. Иерархи не считали обязанностью человека создание правил идеального общества как в монастырских стенах, так и вне их. Стоглавый Собор в своих постановлениях напоминал, что этот идеал существует в Новом Завете, и хотя обстоятельства жизни меняются, он статичен. Царь, в свою очередь, ожидал от Собора установления сферы влияния приходов, монастырей, епархий, определяемых как церковные учреждения, в то время как, согласно традиции, Православная церковь была обязана соблюдать только апостольские правила, правила Вселенских соборов, а также Отцов Церкви. Она старалась сохранить прежде всего чистоту догм. Выступление царя на Соборе, подготовленное сторонниками нестяжательства, преследовало цель определить отношение Церкви к идее власти в новых исторических обстоятельствах. Собор не отступил от правил Константина Великого, которые Божий закон ставили выше царской власти. Стоглав доказал, что Русская церковь опасалась эмансипационных стремлений, характерных для Запада, отразившихся, между прочим, в идеализации римского права. Она старалась сохранить свое значение и одновременно санкционировать московскую власть, согласно константинопольской традиции. Собор установил литургическую молитву за царя и его войско.

Домострой является следующим важным примером столкновения старого и нового в русской культуре. Он уходил своими корнями в традиции Отцов Церкви. Они отражаются в убеждении, что вера изменяет образ мира, придает трансцендентное значение человеческому труду и отношениям между людьми. Домострой доказывает, что христианство пронизывает каждый элемент жизни, что культура, вырастающая на почве христианской метафизики, именно ее мерами измеряет малейший элемент традиции. Поэтому Домострой можно понимать не только в категориях

монастырского аскетизма, но также принимающего во внимание место и историческое время морального богословия. Трудолюбие, предусмотрительность, хозяйственность, торговая смекалка, развитие ремесленных способностей, обучение молодежи – это положительные черты, насаждаемые Домостроем и предстающие одновременно как христианские и общественные достоинства. Домострой является первой в истории Руси попыткой создать моральную доктрину. «Подвигни вся дела твоя и обычаи и нравы угодная творити Господеви» - требует Домострой [19]. Слова эти указывают на то, что Домострой является попыткой найти эквиваленты порядка Божьего мира в организации повседневной жизни мира человеческого, согласовать культуру и христианство. Домострой отражает ответственность за существование и развитие важных социальных институтов. Этот тип отношений между христианством и культурой Нибур охарактеризовал следующими словами: «Эта церковь более заинтересована культурой христиан, чем христианизацией культуры» [20].

Домострой нельзя рассматривать как обособленный пример на фоне современной морализаторской литературы. Все тогдашние морализаторские творения обладали отсутствующей в Средневековье, но представленной в античной литературе чертой – убеждением, что моральную жизнь можно постичь путем просвещения [21].

События и литература времен Московского государства свидетельствуют о том, что на русскую духовную и умственную культуру уже оказали влияние течения рационализирующие христианство, государство и власть. Эти явления усиливали характерные для Европы того времени притязания на самостоятельность городов и государств, переносящие культуртрегерский акцент в сторону политики, которая является рациональной дисциплиной.

Польский король, опирая свою власть на магнатах и постоянно сталкиваясь с дворянством, способствовал укреплению юридических привилегий этого последнего, хотя оно было вынуждено постоянно бороться за выполнение правил. Московский великий князь строил государство, укрепляя его административную исполнительную власть и право.

Реформа права времен Ивана IV доказывает, что Московское государство строилось на основе нового права собственности и модифицированной системе управления государством. Появились также голоса, явно подрывающие византийский принцип диархии. Звучит требование отстранения Церкви от влияния на царские решения.

Столкновениям, которые порождала эта ситуация, сопутствовали умозрительные попытки оценить ее и найти подходящие пути решения, предпринимаемые митрополитом, представителями церкви и диссидентами.

Из этого следует, что две неодинаково подготовленные средневековые культуры – русская и польская – столкнулись с проблемами, которые выдвинул Ренессанс: проблемой государственного устройства и вопросом места человека в мире. В Москве иерархия решения этих вопросов была иная, чем в Речи Посполитой. В Москве становление новых форм организации государственной жизни определяло место человека в государстве. В Польше чувство независимости каждого, даже малозначительного шляхтича способствовало созданию облика государственности, хотя это и благоприятствовало анархии.

В Москве, при отсутствии университета, третьей силой, которая приняла на себя роль политических просветителей,

были диссиденты. Это были отдельные лица: представители царской администрации, князя, дьяки Посольского приказа. Их знания в области философии политики были разные, но вовсе не отвечали университетским критериям. Следовательно, их взгляды не образуют какой-либо системы. Это политическая публицистика, откликающаяся на текущие события. Она доказывает, что ее авторы впитали определенную дозу гуманистических идей, необязательно западного происхождения.

Порядок мышления университетской философии ставит опять тот же вопрос, который до христианства выдвинули Платон и Аристотель: сто такое природа? Для Восточной Церкви, богословами которой были тогда мистики, вопросы выдвинутые Ренессансом, являлись вопросами, решенными благодаря Боговоплощению. Ставить их еще раз означало отвлекаться от созерцания бытия.

Так ли понимали свое неприятие облика Московской Церкви и царского идеала московского государства диссиденты, составляющие окружение Максима Грека? Кажется, что кроме Андрея Курбского, который находился под влиянием Цицерона и Пересветова – поклонника абсолютизма, остальные были близки идее натуральной религии и натурального права.

Список использованных источников и литературы:

1. Конституциями в Польше называли все законы Сейма.
2. Любопытно, что евреи, которые составляли 5% населения Польши, считались отдельным сословием и пользовались собственным правом – так называемыми привилегиями Казимира Великого 1369 года.
3. Историки называют XVI век «золотым веком» польской культуры.
4. W. Tatarkiewicz. *Słowo wstępne // Filozofia i myśl społeczna XIII – XV wieku.* – Warszawa, 1978. – s. 11.
5. I. Czerkawski. *Humanizm i scholastyka.* – Lublin, 1992. – с. 17 – 18.
6. I. Domanski. *Początki humanizmu.* – Wrocław, 1982. - s. 159 – 183.
7. Ibid. – s. 163.
8. Stanisław ze Skarbimierza. *Kazanie 46 // Filozofia i myśl społeczna XIII – XV wieku.* – Warszawa, 1978. – s. 83.
9. P. Włodkowiec. *Traktat o władzy papieża i cesarza w stosunku do pogan // Filozofia i myśl społeczna XIII – XV wieku.* – Warszawa, 1978. – s. 183 – 211.
10. I. Domanski. *Op. cit.* – s. 172.
11. M. Kuzyłowicz. *Tradycje prawa rzymskiego w rozwoju prawa polskiego // Tradycje i postęp w prawie.* – Lublin, 1983. – s. 78 – 79.

12. S. Radon. Z dziejow polemiki antyarianskiej w Polsce w XVI – XVII wieku. – Krakow, 1993.
13. A. Naumow. Wiara I historia. Krakow, 1996.
14. I. Ochman. Sredniowieczna filozofia zydzowska. – Krakow, 1995. – s. 217 – 310.
15. F. Konieczny. Cywilizacja bizantyjska. – London, 1973. – s. 288 – 290.
16. И Мейендорф. Византия и Московская Русь. Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке./ И.Мейендорф – Париж, 1990. – С. 307 – 314.
17. С. Штамп, Н. Ефремова. Образование и укрепление русского централизованного государства и формирование общерусского права //Развитие русского права в XV – первой половине XVIII в. М., 1986. – С. 21.
18. Г. Флоровский. Пути русского богословья. / Г.Флоровский.– Париж, 1983. – С. 11 – 20.
19. Домострой. – М., 1990. – С. 33.
20. H. R. Niebuhz. Chrystus a kultura. – Krakow, 1996. – s. 121.
21. Z. Kalita. Czlowiek i swiat wartosci. – Wroclaw, 1993. – s. 126 – 134.

I. SMYRNOV

SOCIAL TRADITIONS OF SPEECH ПОСПОЛИТОЙ AND RUS IN XV - XVI CENTURY

Comparative description over of traditions is brought in a social sphere in Speech Poland and Rus period of early new time. Description over of development of the nobility, sphere of education, legal sphere is brought

Keywords: *social traditions, Moscow Rus, Speech Poland, nobility, universities, right.*

И.А. СМЕРНОВ

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ И РУСИ В XV – XVI ВВ.

Приводится сравнительная характеристика традиций в социальной сфере Речи Посполитой и Руси периода раннего нового времени. Приводится характеристика развития дворянства, сферы образования, правовой сферы.

Ключевые слова: *социальные традиции, Московская Русь, Речь Посполитая, дворянство, университеты, право.*